

Содержание

ЖАРКИЕ ДЕНЕЧКИ. 1984	15
СМИРНЫ ГОРЬКОЙ ЗАПАХ БЛАГОЙ... 1991	123
СВАДЕБНЫЙ ПИР. 2004	255
ОДИНОКАЯ ПЛАНЕТА КРИСПИНА ХЕРШИ. 2015	351
ХОРОЛОГИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ. 2025	481
ШИПСХЕД. 2043	643
Благодарности	727
<i>Дэвид Митчелл. О кочующих героях</i>	728
Примечания. <i>А. Питчер</i>	732
От переводчика	764

Для Ноя

Жаркие денечки

1984

30 июня

Распахиваю шторы в спальне; за окном — иссохшее небо, широкая река, полная кораблей, лодок и всего такого, но я думаю только о шоколадных глазах Винни, о струйке пенистого шампуня у него на спине, о каплях пота у него на плечах, о его лукавой усмешке, и сердце прямо заходится, и, господи, как же все-таки жаль, что я проснулась в своей дурацкой спальне, а не в квартире Винни на Пикок-стрит. Вчера вечером слова сами сорвались у меня с языка: «Боже мой, Вин, я так тебя люблю!», а Винни, выдыхая облачка дыма, ответил ужасно похоже на принца Чарльза: «Должен признать, что с вами весьма приятно проводить время, Холли Сайкс», а я хохотала как сумасшедшая, чуть не описалась, хотя, если честно, немножко обидно, что он так и не сказал: «Я тоже тебя люблю». Ну, бойфренды всегда скрывают всякие нежные чувства за дурацкими шуточками, так во всех журналах пишут. Жаль, что прямо сейчас нельзя ему позвонить. Хорошо бы изобрели такие телефоны, по которым можно говорить с кем хочешь, откуда хочешь и когда захочешь. Винни, в кожанке, на которой серебряными заклепками выбито «LED ZEP», сейчас наверняка уже оседлал свой «нортон» и едет на работу в Рочестер. Вот в сентябре, как мне исполнится шестнадцать, он меня обязательно прокатит на своем «нортоне».

Кто-то внизу с силой хлопает дверцей буфета.

Ма. Больше у нас никто не смеет так хлопать.

«А вдруг она все знает?» — вредничает внутренний голос.

Нет. Мы с Винни осторожничаем. Даже чересчур.

У нее просто климакс, у ма. В том-то все и дело.

На вертушке стоит пластинка *Talking Heads*, альбом «Fear of Music»¹, и я опускаю иглу. Этот альбом Винни купил мне на вто-

¹ «Боязнь музыки» (англ.).

рую субботу после нашего знакомства в музыкальном магазине «Мэджик бас рекордз». Пластинка просто улет. Особенно мне нравятся «Heaven» и «Memories Can't Wait»¹, но, вообще-то, в этом альбоме нет ни одной слабой вещи. Винни ездил в Нью-Йорк и был на концерте *Talking Heads*. А приятель Винни, Дэн, работал там в охране и после концерта провел его за кулисы, так что Винни тусовался с самим Дэвидом Бирном и всей его командой. Если он на будущий год снова туда поедет, то возьмет меня с собой. Я одеваюсь, разглядывая засосы и размышляя, что хорошо бы и сегодня вечером пойти к Винни, но сегодня он едет в Дувр, на встречу с приятелями. Мужчины терпеть не могут, когда женщины ревнуют их к друзьям, и я каждый раз притворяюсь, будто мне все равно. Моя лучшая подруга Стелла смоталась в Лондон порыться в секонд-хенде на Кэмденском рынке. А меня ма не пустила, мол, рановато мне ездить в Лондон без взрослых. И вместо меня Стелла взяла с собой Эли Джессоп. Значит, сегодня придется пылесосить бар, то еще развлечение. Ну что ж, зато зарабатую свои законные три фунта карманных денег, тоже неплохо. Потом еще нужно хоть немного позаниматься — на следующей неделе уже экзамены. Вообще-то, плевать я хотела на неполное среднее, вот сдам пустые листы, покажу этой дурацкой школе, куда ей засунуть и теорему Пифагора, и «Повелителя мух», и жизненный цикл червей. Запросто!

Вот именно. Может, так и поступлю.

Внизу, на кухне, все дышит холодом, как в Антарктиде.

— Доброе утро, — говорю я, но только Джеко поднимает голову и смотрит на меня с подоконника, где он вечно сидит и рисует.

Шерон валяется на диване в зале, смотрит какой-то мультик. Папа в коридоре разговаривает с парнем из доставки — у нашего паба урчит грузовик пивоварни. Ма крошит на доске яблоки и делает вид, что меня не слышит. Мне полагается спросить: «В чем дело, ма? Что я такого сделала?», только на фиг мне эти детские игры. Она же наверняка заметила, что я вчера поздно вернулась. Вот пусть сама на эту тему и заговаривает. Кладу в площ-

¹ «Рай», «Воспоминания не ждут» (англ.).

ку брикеты «Витабикс», заливаю молоком и ставлю на стол. Ма с грохотом накрывает кастрюлю крышкой и подходит ко мне:

— Так. Ну и что ты скажешь в свое оправдание?

— Да, ма, с добрым утром. Сегодня тоже будет жара.

— Что ты намерена сказать в свое оправдание, барышня?

Если нечего сказать, притворись невинной овечкой.

— А что говорить-то? И насчет чего? Можно поточнее?

Она смотрит на меня не мигая, как змея.

— Ты в котором часу домой вернулась?

— Ну, чуточку опоздала. Извини.

— Два часа — это не «чуточку». Где ты была?

Я продолжаю жевать «Витабикс».

— У Стеллы. Забыла на часы посмотреть.

— Вот как? Очень странно. Очень и очень странно. В десять часов вечера я позвонила матери Стеллы, хотела выяснить, где тебя черти носят, и догадайся, что она мне ответила? Что ты ушла, когда и восьми еще не было. Так кто из вас врет, Холли? Ты или она?

Вот вляпалась.

— Ну и что? Я, когда ушла от Стеллы, решила еще немного прогуляться.

— И куда же завела тебя твоя прогулка?

Четко выговаривая каждое слово, я отвечаю:

— На берег, вот куда.

— И куда же ты двинулась по берегу — вверх по течению или вниз?

Я выдерживаю паузу, потом спрашиваю:

— А это так уж важно?

Из телевизора доносятся мультяшные взрывы. Ма кричит сестренке:

— Выключи немедленно, Шерон! И иди к себе. Дверь за собой закрой.

— Так нечестно! — возмущается Шерон. — Ты Холли ругаешь, а я что, крайняя?

— Быстро, Шерон. И ты тоже, Джеко. Мне нужно... — Но Джеко уже исчез. Когда наконец уходит и Шерон, ма снова брошается в наступление: — И гуляла ты в одиночестве?

Откуда это отвратительное ощущение, что она хочет меня на чем-то подловить?

— Ага.

— И далеко ты забрела, гуляя в одиночестве?

— Тебе в милях сказать? Или лучше в километрах?

— А может, твоя прогулка привела тебя прямоком на Пикок-стрит, где живет некий тип по имени Винсент Костелло? — (Кухня плывет перед глазами, а за окном, на том берегу, в Эссексе, кто-то — палка, палка, огуречик, получился человечек — сводит с парома свой велосипед.) — Что, все слова растеряла? Ну, давай я тебе подскажу, напомним: вчера в десять вечера ты, в одной майке стоя у окна, опускала там жалюзи.

Да, я действительно спускалась на кухню, за пивом для Винни. Да, я действительно опускала жалюзи на окне, что выходит на улицу. Да, кто-то действительно проходил мимо. «Расслабься, — сказала я себе тогда. — Ну, шляется кто-то под окнами, он же тебя все равно не знает». Ма явно рассчитывает, что я сломаюсь. Но я и не подумаю.

— Ма, тебе б не официанткой работать, а в МИ-пять шпионов ловить.

Она бросает на меня фирменный гневный взгляд Кэт Сайкс:

— Сколько ему лет?

Теперь уже я складываю руки на груди:

— Не твое дело.

Ма прищуривает глаза:

— Насколько мне известно, двадцать четыре.

— Раз ты и так знаешь, зачем же спрашивать?

— Потому что подобные отношения двадцатичетырехлетнего мужчины и пятнадцатилетней школьницы — это преступление. За это его запросто можно посадить.

— Мне в сентябре исполнится шестнадцать. А полиции Кента и без него есть кем заняться. И вообще, я уже взрослая, сама могу решать, с кем вступать в «подобные отношения», а с кем нет!

Ма вытаскивает сигарету из красной пачки «Мальборо», прикуривает. Мне тоже до смерти хочется курить.

— Вот я скажу твоему отцу, он с этого Костелло кожу заживо сдерет.

Ну, это фигушки: папе, как и всем хозяевам пабов, и впрямь порой приходится выпроваживать из бара разбуянившихся пьянчужек, только он совсем не тот человек, который способен содрать с кого-то живьем кожу.

— Брендану, между прочим, тоже было пятнадцать, когда он бегал на свидания с Менди Фрай, — говорю я. — И если ты думаешь, что они просто гуляли, держась за руки, то очень ошибаешься. Хотя я что-то не помню, чтобы ты ему хоть раз сказала, что его за это «запросто можно посадить».

Мать смотрит на меня и произносит четко, почти по слогам, точно разговаривая со слабоумной:

— Мальчики — это — совершенно — другое — дело.

Я презрительно фыркаю: да ладно тебе, ма!

— Значит, так, Холли, запомни: ты будешь встречаться с этим... торговцем автомобилями только через мой труп.

— Нет уж, ма! Фигушки! С кем захочу, с тем и буду встречаться!

— Так, новые правила. — Ма тычет окурком в пепельницу. — Я отвожу тебя в школу и привожу обратно. И из дому ты одна больше не выйдешь — только со мной, с отцом или с Бренданом и Рут. А если я хоть одним глазком еще раз замечу поблизости этого охотника за младенцами, то немедленно заявлю в полицию и потребую привлечь его к уголовной ответственности, вот Богом клянусь! А еще... еще я позвоню к нему на работу и расскажу, что он возвращает малолетних.

Ползут огромные жирные секунды, в меня въедаются маминны слова.

Глаза пощипывает, но доставлять удовольствие этой миссис Гитлер я не намерена.

— У нас не Саудовская Аравия! Ты не имеешь права запирать меня в доме!

— Живешь под нашей крышей — подчиняйся нашим правилам. Я в твоём возрасте...

— Да, да, да! И было у тебя двадцать братьев, тридцать сестер, сорок бабушек-дедушек и пятьдесят акров картофельных полей, на которых с утра до ночи нужно было копать картошку, потому что такова была жизнь в вашей хреновой Брландии, черт бы ее побрал! Но здесь-то Англия, ма, Англия! И на дворе восьмидесятые, и если уж жизнь была так прекрасна в вашем долбаном Западном Корке, в этом вонючем болоте, то на хрен ты вообще приехала в...

Хрясь! Она со всего маха хлещет меня по левой щеке.

Мы смотрим друг на друга; я вся дрожу от потрясения, а ма... в таком гневе я ее еще никогда не видела. И похоже, она понимает, что своими руками разрушила то, что восстановить уже невозможно. Я встаю и с видом победительницы молча выхожу из комнаты.

Конечно же, без слез не обходится, но я плачу скорее от шока, чем от обиды, потом успокаиваюсь и подхожу к зеркалу. Ну да, глаза зареванные, хотя, если чуточку подвести, заметно не будет. Теперь еще немножко помады, капельку румян... В общем, сойдет. И девушка в зеркале — точнее, молодая женщина с коротко подстриженными черными волосами, в майке с надписью «Quadrophenia» и в черных джинсах — говорит мне: «А у меня для тебя новости: ты сегодня переезжаешь к Винни». Я начинаю перечислять причины, которые не позволят мне так поступить, и умолкаю, чувствуя, как кружится от волнения голова, и одновременно испытывая какое-то странное спокойствие. «Да, — соглашаюсь я, — а еще я бросаю учебу. Вот прямо сию минуту». Теперь, когда летние каникулы на носу, школьный инспектор о прогулах не распердится, а в сентябре мне уже стукнет шестнадцать, так что у меня будет полное право сделать ручкой нашей общеобразовательной «Уиндмилл-Хилл». Господи, неужели у меня действительно духу хватит?

Хватит. Ну, тогда пакуй вещи! Что с собой-то брать? А что влезет в спортивную сумку. Трусы, бюстгалтеры, майки, нейлоновая куртка-бомбер, косметичка, жестянка из-под бульонных кубиков «Оксо» с браслетами и ожерельями. Еще не забыть зубную щетку и пакет с тампонами — месячные у меня немного запаздывают и могут начаться в любую минуту. Деньги. Налички у меня накоплено 13 фунтов и 85 пенсов, купюрами и мелочью. Еще есть 80 фунтов на счете в банке «TSB». Понятное дело, за постой Винни с меня денег не возьмет, а на следующей неделе я найду себе работу. Бебиситтером, например, или на рынке, или официанткой — да всегда можно придумать, как заработать несколько фунтов. А вот что делать с коллекцией дисков? Я же не могу прямо сейчас перетащить их все на Пикок-стрит, зато ма вполне способна сдать их в «Оксфам», из вредности. В общем, беру только «Fear of Music», аккуратно заворачиваю пластинку в бомбер и уклады-

ваю в сумку так, чтоб не повредить. А остальные на время прячу в тайник, под распатанную половицу, но когда снова прикрываю это место ковром, то чуть с ума не схожу от испуга: в дверях стоит Джеко и внимательно за мной наблюдает. Он все еще в пижаме с эмблемой «Тандербердов» и в шлепанцах.

— Мистер, как вы меня напугали! Просто чуть сердце не выскочило!

— Ты уходишь, — заявляет Джеко своим потусторонним голосом.

— Да, но это между нами. И не волнуйся, я уйду недалеко.

— Я тебе сувенир сделал. На память.

Джеко вручает мне картонный круг — тщательно распрявленную крышку от коробки из-под сыра «Дейрили» — с нарисованным на нем лабиринтом. Мой братишка просто помешан на лабиринтах; их полно в книжках серии «Подземелья и драконы», которыми они с Шерон зачитываются. Обычно Джеко придумывает до ужаса замысловатые лабиринты, а этот почему-то не очень сложный, состоит всего из восьми или девяти concentрических кругов, соединенных проходами.

— Бери, — говорит Джеко. — Это inferнальный лабиринт.

— По-моему, он совсем не страшный.

— «Инфернальный» значит «сатанинский», сестренка.

— И что же в нем такого сатанинского?

— Когда идешь по этому лабиринту, Мрак неотступно следует за тобой. Если он тебя коснется, ты перестанешь существовать. Один неверный поворот, ведущий в тупик, — и тебе конец. Поэтому ты должна выучить лабиринт наизусть.

Господи, да мой братишка тот еще фрикс!

— Ладно, выучу. Спасибо тебе, Джеко. Слушай, мне нужно еще кое-что...

Он крепко сжимает мне запястье:

— Выучи лабиринт, Холли. И прости своего братишку-фрикса. Прошу тебя.

Мне становится слегка не по себе:

— Мистер, вы как-то странно себя ведете...

— Дай слово, что затвердишь наизусть все перипетии этого лабиринта, чтобы отыскать путь даже в темноте. Прошу тебя!

У всех моих друзей младшие братья помешаны на игрушечных автодромах «Скейлекстрик», велосипедах «ВМХ» и набо-

рах карточек «Топ трампз», почему же только у меня младший братишка мастерит лабиринты и употребляет слова «перипетии» и «инфернальный»? Господи, а вдруг он гей? Как же он тогда живет в нашем Грейвзенде? Я ласково ерошу ему волосы.

— Ладно, обещаю непременно выучить твой лабиринт наизусть. — (После этих слов Джеко вдруг крепко-крепко обнимает меня, что совсем уж странно, потому что он не любит всех этих телячьих нежностей.) — Эй, ты чего? Я ведь совсем недалеко... Ты все поймешь, когда станешь постарше, а я...

— Ты переезжаешь к своему бойфренду.

Теперь я уже ничему не удивляюсь.

— Да.

— Береги себя, Холли.

— Винни очень хороший! Вот ма немного привыкнет к новой ситуации, и мы с тобой снова будем видеться, часто-часто. Ну, мы же часто видимся с Бренданом с тех пор, как он женился на Рут, верно?

Джеко молча засовывает картонку с лабиринтом поглубже в сумку, еще раз печально смотрит на меня и исчезает.

На лестничную площадку второго этажа якобы случайно выходит ма с охапкой ковриков из бара, которые нужно вытряхнуть, — конечно же, нарочно меня поджидала.

— Я не шучу, Холли. Из дому тебе выходить запрещено. Немедленно вернись к себе. На следующей неделе экзамены. Тебе давно пора заняться повторением пройденного.

Я до боли стискиваю лестничные перила:

— Как ты там сказала? «Живешь под нашей крышей — подчиняйся нашим правилам»? Что ж, прекрасно. Мне не нужны ни твои правила, ни твоя крыша, ни твои пощечины, которые ты отвешиваешь, когда тебе вздумается. Ведь сама ты такого не стерпела бы, верно?

У нее как-то странно искажается лицо; если сейчас ма произнесет какие-то правильные слова, то мы с ней договоримся. Но нет, она просто замечает мою сумку, криво усмехается, словно не веря, что ее дочь способна на такие глупости, и заявляет:

— А ведь когда-то и у тебя были мозги!

Я как ни в чем не бывало спускаюсь по лестнице.

— Как насчет школы? — напряженным голосом спрашивает ма.

— Ну, если школа тебе так важна, сама там и учишься!

— У меня, черт побери, никогда в жизни не было возможности учиться! Мне всю жизнь приходилось вкалывать! И паб содержать, и детей растить, и всех вас — и тебя, и Брендана, и Шерон, и Джеко — кормить, одевать-обувать, в школе учить, чтобы хоть вам потом не пришлось всю жизнь мыть туалеты, вытряхивать пепельницы и гнуть спину с утра до вечера, не имея возможности хоть раз лечь спать пораньше.

Что мне ее слова! Как с гуся вода. Я продолжаю медленно спускаться на первый этаж.

— Ну, ладно, иди-иди. Ступай. Узнаешь, какова жизнь на вкус. Не сомневаюсь, что через три дня твой Ромео вышвырнет тебя вон. Мужчину в девушке интересует вовсе не ее яркая индивидуальность, черт побери! Такого никогда не бывает.

Я делаю вид, что не слышу. Из коридора мне видна барная стойка и полки с фруктовыми соками. Шерон помогает папе обновить запасы прохладительных напитков и, ясное дело, все слышит. Я машу ей рукой на прощанье, и она машет мне в ответ, но как-то нервно. Из глубины подвала гулким эхом доносится голос отца, монотонно напевающий: «Ferry 'cross the Mersey»¹. Пожалуй, лучше его во все это не вмешивать. И потом, сейчас он наверняка встанет на сторону ма. А завсегдаемая паба при случае скажет: «Только круглый дурак полезет разнимать дерущихся куриц!», а они согласно закивают, бормоча: «Верно говоришь, Дейв». Кроме того, хорошо бы убраться из дома, пока он еще не знает о наших с Винни отношениях. Не то чтобы я их стыдилась, просто не хочется ничего объяснять. Ньюки, как обычно, спит в своей корзинке.

— Ты самый вонючий пес в Кенте, — с нежностью говорю я ему, чтобы не разреветься. — Эх ты, чучело блохастое.

Чешу его за ухом, отодвигаю засов на боковой двери и выхожу в проулок Марло. За спиной со щелчком захлопывается дверь.

На Вест-стрит свет и тень сменяют друг друга резко, как на экране телевизора с неотрегулированной контрастностью, так что я надеваю темные очки, и мир вокруг становится фееричнее,

¹ «Паром через реку Мерси» (англ.).

ярче и реальнее. В горле стоит колючий ком, меня всю трясет. Из паба никто не выскакивает, никто не догоняет. Ну и ладно. Мимо грохочет грузовик с цементом, обдает дымными выхлопами конский каштан, ветви раскачиваются, шелестят листвой. Пахнет нагретым гудроном, жареной картошкой и мусором недельной давности в переполненных мусорных баках — мусорщики снова бастуют.

Над улицей вьются какие-то пташки, чирикают и щебечут, как свистульки на шнурке, которые дарят на день рождения малышам — ну или когда-то дарили; в парке у церкви на Крукид-лейн мальчишки играют в прятки. «Держи его!» — «Вон он, за деревом прячется!» — «Да отпусти ты меня!» Мальшня. Стелла говорит, что мужчины постарше — куда лучшие любовники, чем наши с ней ровесники; с мальчишками, говорит она, мороженое на палочке тает сразу же, как окажется у тебя в руках. Только одна Стелла знает о Винни — она тоже там была, в «Мэджик бас рекордз», в ту самую первую субботу, когда мы с ним познакомились, — но Стелла умеет хранить тайны. Когда она учила меня курить, а меня все время тянуло блевать, она и не думала смеяться и никому ничего не сказала; именно от нее мне известно все, что нужно знать о мальчишках. Стелла — самая клевая девчонка в нашем классе, это точно.

Крукид-лейн резко уходит от реки вверх, а я сворачиваю на Куин-стрит, где чуть не попадаю под детскую коляску, которую толкает Джулия Уолкот. Ее малыш орет как резаный, а сама Джулия выглядит совершенно измученной. Когда она забеременела, ей пришлось бросить школу. Так что мы с Винни страшно осторожничаем; он не надел презерватива только один раз, самый первый, а я твердо знаю: наукой доказано, что девственница сразу забеременеть не может. Об этом мне тоже Стелла сказала.

Через Куин-стрит натянуты гирлянды флажков — словно в честь Дня независимости Холли Сайкс. Хозяйка магазина, торгующего шотландской шерстью, поливает цветы в висячих корзинках, а ювелир мистер Гилберт выставляет на витрину подносы с кольцами и перстнями. Мясники Майк и Тодд выгружают из задних дверей фургона безголовую тушу свиньи, за которой виднеется еще десяток таких же туш на крюках. У библиотеки